

альную омонимичность доксом, то оперирование ими требует особого рода процедуры сертификации, когда некоторая докса «*δ*» отсылает с помощью соответствующего сертификатора к тому нарративно-оформленному мнению, в рамках которого она выдвигается, используется и удостоверяется. Таким образом, доксы, или термины, используемые историками, по сути своей принципиально омонимичны, что создает условия для неустранимой смысловой множественности, которая, в свою очередь, лежит в основании отсутствия одного-единственного или «идеального» нарративно-оформленного мнения, к которому можно было бы редуцировать все возможное многообразие мнений о некотором предмете прошлого.

А.О. Никитина (Екатеринбург)

Интеллигенция и власть на Урале в 1920-е годы: проблема периодизации региональной историографии

Коллизии взаимоотношений интеллигенции и власти являются одним из самых неоднозначных сюжетов отечественной истории. Особенный драматизм они приобрели в 1920-е годы, когда утвердившаяся советская власть искала способы создания «социалистической» интеллигенции, «которая сознательно направляет свою деятельность на служение коренным интересам рабочего класса». Специфика взаимоотношений интеллигенции Урала и власти в 1920-е годы определялась, как общими факторами (культурная революция, переход от «военного коммунизма» к «нэпу», посленэповский «большой перелом», чистки технической интеллигенции 1928 – 1931 гг. и т.д.), так и сугубо региональными. Так, в начале 1920-х гг. встал вопрос восстановления заводов, «реформы «системы высшего образования». Происходившие процессы были многоплановы и сопровождались выработкой разных моделей взаимоотношений интеллигенции и власти.

Данная тема вызывала и вызывает пристальное внимание исследователей. Но работы по региональной историографии появляются лишь в середине 1970-х гг. В конце 1980-х годов М.Е. Главацкий выпускает самостоятельное учебное пособие «Историография формирования интеллигенции в СССР в переходный период». Однако, в нем рассматривается общесоюзная историография, вклад региональных исследователей ограничивается лишь знаковыми работами.

Особенностью историографических исследований, появившихся со второй половины 1990-х годов, стало то, что большинство из них анализировало лишь современную литературу по истории интеллигенции. Переосмысления советских работ не произошло. По большому счету историографический сюжет приобрел «проходной» характер и стал использоваться с узко утилитарной целью: доказать малоизученность или неизученность того или иного аспекта истории отечественной интеллигенции. И задачей новых историографических исследований должно стать преодоление фрагментарности в изучении накопленных знаний по истории интеллигенции в 1920-е годы. Первый шаг — разработка единой периодизации историографии изучения проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е годы.

Согласно утвердившемуся сегодня в историографии подходу изучение любой проблемы разбивается на два этапа: советский и постсоветский. Границей выступает начало 1990-х гг., когда произошедшая «методологическая революция» позволила исследователям перейти от моноконцептуальности (формационный подход, классовая теория) в оценке исторических явлений к мультиконцептуаль-

ности. Так, для определения понятия «интеллигенции» и оценки ее исторического пути исследователи начинают активно привлекать цивилизационный, культурологические подходы, теорию модернизации, методы социальной истории, исторической антропологии. Таким образом, принципиальным параметром выступает именно методологический показатель. В связи с этим ряд современных отечественных историографов считает, что более дробное деление советского периода неуместно, т.к. его «цементирующим» элементом является господство марксистско-ленинской схемы в оценке исторических процессов.

Также надо обратить внимание на то, что в современной историографии интеллигенции, как указывалось выше, вопросу периодизации не уделялось пристального внимания. Как правило, за основу брался и берется один из вариантов, предложенных еще в 1980-е годы. Так, первый вариант делит историографию изучения вопроса взаимоотношений интеллигенции и власти в 1920-е гг. на три периода: 1917 г. — вторая половина 1930-х гг.; конец 1930-х — конец 1950-х гг.; 1960-е — 1980-е гг. Здесь в основу положены главным образом два параметра: интенсивность исследований и набор рассматриваемых тем. Пересмотреть данный подход предложил М.Е. Главацкий. Он укрупнил периоды: 1920-е — первая половина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х — 1980-е годы. В качестве «водораздела» выступил Съезд 1956 г., на котором была предложена «новая» концепция советской истории. Таким образом, на первый план вышел методологический момент, именно стал первичным по отношению к исследовательской активности по вопросу взаимоотношений интеллигенции и власти в 1920-е годы.

В конце 1990-х годов некий «синкретический» вариант выдвинул А.И. Делицой. Так, он предложил отдельно рассматривать 1920-е гг., далее — конец 1920-х — 1950-х гг., а в качестве третьего этапа — 1960 — 1980-е гг. В основу такого деления легла смена господствующей на тот момент концепции оценки проблемы «интеллигенция / власть в 1920-е годы». Если для 1920-х годов было характерно многообразие подходов, дискуссионность, то на втором этапе утверждается жесткая схема политического размежевания интеллигенции в зависимости от ее квалификации — «сталинская» концепция. И как раз ее прорыв приходится на 1960-е годы, когда С.А. Федюкин заявил, что политический водораздел проходил не между профессиональными группами интеллигенции, а внутри них.

Главным недостатком всех приведенных периодизаций является то, что они ориентированы главным образом на специфику изучения проблемы на общероссийском, а не на региональном уровне. Поэтому говорить здесь о периодизации собственно уральской историографии по заявленной теме, не приходится. Безусловно, связь общероссийских и региональных исследований по проблеме «взаимоотношение интеллигенции и власти в 1920-е годы» явно присутствует, но они, как показывает анализ литературы, не совпадают по пикам исследовательской активности и рассматриваемым вопросам.

В связи с этим оптимальной представляется следующая периодизация изучения рассматриваемого вопроса в рамках советского периода: начало 1920-х — 1950-е гг.; 1960-е — 1980-е гг. При таком варианте учитываются следующие ключевые параметры: изменения в концептуальных оценках явлений, введение в оборот новых комплексов исторических источников, расширение и углубление проблематики, интенсивность региональных исследований, изменения в их организации. Соотнесение с этими критериями позволяет, с одной стороны, увидеть целостность каждого этапа, а с другой — уникальность их вклада для изучения взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е годы.

Этап 1920 — 1950-х гг. условно можно назвать «иллюстративным», т.к. интерес уральских исследователей к проблеме взаимоотношений интеллигенции и

власти на Урале носил достаточно эпизодический, несистемный и неproblemный характер. Ряд общих статей, посвященных высшей школе и ИТР, вышел в 1920-е годы в «Уральском коммунисте», «Уральском рабочем». В основном выходят юбилейные труды. С начала 1960-х гг. ситуация существенно меняется в связи со смягчением официальной исторической концепции. Стремление С.А. Федюкина отойти от догм 1930-х – 1950-х гг. активно подхватывают уральские исследователи: работы приобретают «проблемный» характер и обретают собственное неповторимое «лицо». В это время можно говорить о формировании «уральской школы» по изучению интеллигенции, в центре внимания которой оказалась техническая и вузовская интеллигенция Урала.

Отличительной особенностью второго этапа является появление ряда комплексных развернутых исследований по проблеме взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е годы, в которых рассматривались вопросы «выдвиженчества», феномен «спецедействия», специфика участия партийных организаций в формировании «советской интеллигенции», а также ставится вопрос об участии «старых специалистов» в развитии уральской промышленности. Особое место в исследованиях заняло выделение собственно региональной специфики в эволюции взаимоотношений интеллигенции и власти в 1920-е гг., была преодолена «описательность» предыдущего этапа.

Ключевым моментом второго периода развития уральской историографии стало создание в 1994 г. в Екатеринбурге Центра «XX век в судьбах интеллигенции России» по инициативе М. Е. Главацкого. Уральский центр изначально сфокусированный на истории интеллигенции XX века и историографическом аспекте, с 1994 г. провел более 10 научно-практических конференций и «круглых столов». С подачи Центра появилось новое направление в исследовании проблемы «интеллигенция Урала и власть» — выявление качественного, «штучного» вклада в культуру отдельных представителей и групп интеллигенции. Но несмотря на расширение проблематики исследований, введение в научный оборот новых исторических источников, на современном этапе так и не появилось комплексных трудов по рассматриваемому вопросу.

А.А. Петрушин (Тюмень)

Особенности исследования материалов уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, и фильтрационно-проверочных дел

Порядок доступа к материалам такой категории установлен положением, утвержденным приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, МВД и ФСБ от 25.07.2006 за № 375/584/352. Действие этого положения распространяется на материалы хранящиеся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации в составе:

а) прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям и реабилитированных в установленном законодательством Российской Федерации порядке (далее реабилитированные лица), в том числе материалы кассационного, надзорного и реабилитационного производства, если таковые приложены к делам;

б) фильтрационно-проверочных дел на российских (советских) граждан, попавших в плен и в окружение, оказавшихся на временно оккупированной территории, угнанных на принудительные работы в Германию, другие страны Европы и